BX
597

Ан. Ал. Титовъ.

ТИХОНЪ МАЛЫШКА,

РОСТОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ XVI вѣка.

По поводу изображенія Св. Тихона Ярославецкаго на Казанской иконѣ Божіей Матери, находящейся въ церкви Спаса на Божедомкѣ, въ Москвѣ.

ЧИТАНО

въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Отдѣла Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія

29 сентября 1908 г.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1908.

1

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.
5539.

309
37

Печатать разрѣшается. Цензоръ изданій Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. г. Москва. 1908 г. Ноября 3.

Протоіерей *Николай Извѣковъ.*

Тихонъ Малышка,

Ростовскій Епископъ XVI вѣка.

По поводу изображенія Св. Тихона Ярославецкаго на Казанской иконѣ Божіей Матери, находящейся въ церкви Спаса на Божедомкѣ.

Въ Матеріалахъ для исторіи храмовъ въ Московской епархіи была помѣщена статья Леонида Денисова: „Неканонизованный святой Ярославской епархіи".

„Священникъ Скворцовъ, пишетъ Л. Денисовъ, описывая Казанскую икону Божіей Матери въ церкви Спаса на Божедомкѣ, говоритъ: „по сторонамъ главнаго изображенія помѣщены: на правой сторонѣ Анна пророчица (вверху) и юродивый Лаврентій Калужскій; на лѣвой—Архангелъ Рафаилъ (вверху) и *преподобный Тихонъ Ярославецкій* (внизу)".

Преподобнаго съ именемъ Тихона и съ топографическимъ обозначеніемъ „Ярославецкаго" мы не находимъ въ числѣ канонизованныхъ святыхъ ни въ „Полномъ мѣсяцесловѣ Востока" (изд. 2, т. II, Владиміръ, 1901) у архіепископа Сергія, ни въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ русскихъ святыхъ" (М. 1903), ни у Голубинскаго.

У Голубинскаго (Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, изд. 2-е, М. 1903) въ спискѣ „усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ", на стр. 368 приведенъ „*Тихонъ Карашевскій*", основатель упраздненнаго Воскресенскаго монастыря, который находился въ селѣ Карашѣ Ростовскаго уѣзда, не

извѣстно когда жившій. Далѣе поставлены ссылки на Исторію Іерархіи (III, 615 fin.), гдѣ имѣются свѣдѣнія о монастырѣ, и на словарь Семенова (подъ словомъ Карашъ).

У Строева (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, Спб., 1877) въ спискѣ монастырей Ярославской епархіи подъ № 36 показанъ на столб. 372-омъ *„Карашскій Воскресенскій,* отъ города Петровска въ 15 верстахъ, упом. въ 1501 г., какъ домовый митрополіи Московской; упраздненъ 1764 г.“

У Звѣринскаго (Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, т. II, Спб., 1892) подъ № 744 находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ: *„Воскресенскій въ Карашѣ* или *Карашевская пустынь,* мужской, нынѣ погостъ, *Воскресенскій монастырь, что въ Карашѣ,* Ярославской губ., Ростовскаго у., въ 31 вер. къ югу отъ Ростова, по тракту изъ Петровска въ Юрьевъ, при оз. Чашницкомъ. Основанъ преп. Тихономъ, неизвѣстно когда, но несомнѣнно существовалъ въ XV ст., что доказывается отводною грамотою на земли 1473—1489 гг., данною Карашскимъ волостелемъ Мих. Сухарусовымъ, и въ это время въ монастырѣ былъ игуменомъ Парѳеній“. Далѣе Звѣринскій ссылается на Крылова, который на стр. 42-й Историко-статистическаго обозрѣнія Ярославской епархіи отожествляетъ основателя монастыря съ Тихономъ, епископомъ Ростовскимъ (1489—1503), и выписываетъ вышеприведенное наше извѣстіе о монастырѣ изъ Строева.

Ни въ „Словарѣ историческомъ о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви“ (Спб. 1836), ни у Ключевскаго (Древне-русскія житія святыхъ, М., 1871), ни у Барсукова (Источники русской агіографіи, Спб., 1882), ни у графа М. Толстого (Жизнеописанія угодниковъ Божіихъ, живших въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской епархіи, Ярославль, 1887) о Тихонѣ Карашевскомъ даже не упоминается.

Комбинируя вышеприведенныя свѣдѣнія, мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: 1) Въ предѣлахъ *Ярославской* епархіи существовалъ съ XV столѣтія *Карашевскій*

Воскресенскій мужской монастырь; 2) основателемъ его былъ инокъ *Тихонъ*, именуемый (или точнѣе—лишь nominandus, а еще не nominatus или dictus) *Карашевскимъ;* 3) означенный основатель иноческой обители *не былъ причтенъ* русской церковью *къ лику святыхъ*—общецерковно или мѣстночтимыхъ. Тѣмъ не менѣе, появленіе изображенія неканонизованнаго святого на иконѣ само по себѣ не представляется невѣроятнымъ: исторія иконописи знаетъ нѣсколько такихъ случаевъ (см. у Голубинскаго, архим. Никодима, В. Лебедева). Затрудненіе является съ другой стороны.

Описанная свящ. Н. А. Скворцовымъ икона Казанской Божіей Матери, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу „обѣтныхъ" иконъ съ „приписью" святыхъ, имена которыхъ носили заказчики или ихъ родители. Въ такомъ случаѣ, маловѣроятно появленіе на иконѣ изображенія Тихона Карашевскаго (или Ярославскаго) съ титломъ *преподобнаго*, особенно въ эпоху Петра I, рѣзко преслѣдовавшаго самочинныя попытки прославленія неканонизованныхъ святыхъ тѣмъ или другимъ способомъ, безъ строгаго разслѣдованія подлежащей церковной власти. Сомнѣніе увеличивается еще однимъ сопоставленіемъ: изображеніе *преподобнаго* Тихона, подвижника *Ярославскаго*, появляется на иконѣ, писанной *калужаниномъ* и вложенной въ *Московскую* церковь. Вспомнимъ при этомъ, что на той же иконѣ имѣется изображеніе юродиваго Лаврентія *Калужскаго*, которому мѣстное празднованіе установлено во второй половинѣ XVI или первой половинѣ XVII вѣка (см. у Голубинскаго, стр. 153).

„Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, заключаетъ авторъ, что на иконѣ, писанной въ 1703 году *калужаниномъ* Романомъ Родивоновымъ сыномъ, первоначально было помѣщено изображеніе *преподобнаго Тихона Калужскаго*, прежде называвшагося *Медынскимъ*, мѣстное празднованіе которому было установлено, „какъ будто не позднѣе времени Грознаго" (см. у Голубинскаго, стр. 151). Перемѣна эпитета преп. Тихона „Калужскаго" или „Медынскаго" на „Ярославецкаго" могла быть дѣломъ реставратора-иконописца, не обладавшаго достаточными познаніями въ агіологіи".

Съ такимъ заключеніемъ автора нельзя согласиться. Въ рукописныхъ святцахъ XVII и преимущественно XVIII вѣка встрѣчаются, кромѣ канонизованныхъ Ростовскихъ святителей: Леонтія, Исаіи, Игнатія и Іакова, еще слѣдующіе неканонизованные епископы: Лука † 1185 г., его память празднуется 10 ноября, Іоаннъ † 1213 г., память его 17 января, Кириллъ 2-й † 1262 г., его память 21 марта, Прохоръ † 1327 г., его память 7 сентября, Антоній † 1335 г., его память 9 ноября и 17 января, Ѳеодоръ, Симоновскій архимандритъ, племянникъ чудотворца Сергія, † 1394 г., его память 28 ноября, Григорій Премудрый † 1416 г., его память 20 ноября, Діонисій † 1425 г., его память 18 октября, Ефремъ † 1454 г., его память 29 марта, Трифонъ † 1462 г., его память 1 февраля, Вассіанъ 1-й † 1481 г., его память 23 марта, Тихонъ Малышкинъ † 1506 г., его память 8 февраля, Іоаннъ III † 1520 г., его память 10 августа. Кромѣ этихъ св. Ростовскихъ епископовъ въ однихъ рукописныхъ святцахъ [1]) подъ 25 числомъ января упоминается: иже во святыхъ отца нашего Василія архіепископа, Ростовскаго чудотворца. Но это, судя по другимъ спискамъ, относится къ архіепископу Вассіану II, родному брату Іосифа Волоколамскаго, извѣстному по тому энергичному участію, которое онъ принималъ въ несогласіи и тяжбѣ Іосифа съ Новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ. Въ 1511 г. онъ первенствовалъ при поставленіи митрополита Варлаама. Вассіанъ скончался въ Москвѣ на Дорогомиловѣ 28 августа 1515 года и погребенъ въ Ростовскомъ соборѣ [2]). Послѣ него Ростовская каѳедра оставалась праздной около 5 лѣтъ. Преподобный Тихонъ Ярославскій, или по Голубинскому Тихонъ Карашскій, по Ростовской лѣтописи [3]) поступилъ на Ростовскую каѳедру изъ архимандритовъ Спасо-Преображенскаго Ярославскаго монастыря. Въ хронографѣ, находящемся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ [4]),

---

[1]) Рукописи А. Титова, изд. Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности, т. I, ч. II, стр. 329.

[2]) Никон. лѣт., ч. VI, стр. 204.

[3]) „Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ“, изд. Императ. Обществомъ Любителей Древней Письменности. Спб. 1890 г.

[4]) Описаніе рукописей, стр. 784.

онъ названъ Тихономъ Малышкою. Архіепископъ Тихонъ присутствовалъ въ сентябрѣ 1490 г. при избраніи митрополита Зосимы, затѣмъ на двухъ соборахъ—противъ стригольниковъ и для утвержденія новаго пасхальнаго круга на VIII тысячу лѣтъ. Въ 1495 г. онъ былъ при поставленіи митрополита Симона, въ 1498 г. при коронованіи внука государева Димитрія Ивановича: при немъ въ Ярославлѣ въ 1501 г. обрѣтены послѣ пожара Ярославскаго соборнаго храма нетлѣнныя мощи св. благовѣрныхъ Ярославскихъ князей Василія и Константина Всеволодовичей [1]).

Въ январѣ 1503 г. за болѣзнію онъ оставилъ епархію и удалился въ Борисоглѣбскій, что на Устьѣ, монастырь. Черезъ 3 года онъ скончался и погребенъ въ этой обители. Мѣсто могилы неизвѣстно, такъ какъ всѣ плиты съ монастырскаго кладбища въ 1830 г. при передѣлкѣ паперти и придѣльнаго храма были, по обыкновенію, уничтожены, но въ монастырскихъ синодикахъ его имя занесено.

Въ Археографическихъ Актахъ [2]) напечатаны двѣ грамоты Тихона: одна отъ 16 января 1493 года, а другая отъ 14 декабря 1500 года о невзиманіи дани и пошлинъ съ церквей въ селахъ Кириллова монастыря. Въ Великоустюжской лѣтописи [3]) подъ 1489 г. значится: Архіерей Ростовскій Тихонъ послалъ въ Устюгъ Великій дьяка своего Ивана Визгуна да мастера церковнаго Алексѣя Вологжанина и 60 человѣкъ работниковъ, которые, лѣсъ съ Сухоны рѣки съ собою препроводивше, сдѣлали церковь соборную деревянную, круглую, о двѣнадцати стѣнахъ.

Въ своей епархіи епископъ Тихонъ въ 32 верстахъ отъ Ростова, при Чашницкомъ озерѣ, основалъ Воскресенскій монастырь вблизи села Караша (Святославль тожъ). Монастырь этотъ, бывшій впослѣдствіи патріаршимъ, уничтоженный въ 1764 году, былъ не изъ бѣдныхъ. Въ 1744 году онъ имѣлъ 493 души крестьянъ. Изъ Описанія документовъ и дѣлъ Св. Сѵнода видно, что въ 1730 году за крестьянами Воскресенскаго Карашскаго

---

[1]) Вѣроятно вслѣдствіе этого событія Еп. Тихонъ и названъ Ярославецкимъ.
[2]) I, 96, 103..
[3]) Москва, 1889.

монастыря было вотчинной недоимки 57 р. 18¾ к., но отъ хлѣбнаго недороду крестьяне весьма оскудѣли и разбѣжались; по переписке лонтрацкой живущихъ только 55 дворовъ, а впустѣ 138 дворовъ, которые бѣжали до лантрацкой переписи [1]).

Въ 1746 году игуменъ Ааронъ заявлялъ епархіальному архіерею о нуждахъ монастыря. Ростовскій митрополитъ Арсеній въ своей вѣдомости о ветхихъ постройкахъ въ монастыряхъ его епархіи заявилъ въ Синодѣ требованіе и на Воскресенскій монастырь въ суммѣ 4895 руб. 46 коп. [2]) Строители и игумены этого монастыря были мало извѣстны и вообще не отличались заслугами. Такъ Варнава, назначенный въ 1709 году, уже въ 1710 отставленъ; слѣдующій за нимъ Иннокентій въ 1716 г. бѣжалъ; передъ упраздненіемъ монастыря былъ игуменъ Симеонъ.

Теперь монастырь называется Воскресенскимъ погостомъ. Приходъ состоитъ изъ 14 селеній. Отъ старыхъ монастырскихъ построекъ ничего не сохранилось; каменная церковь построена прихожанами въ 1787 году. Даже иконы, облаченія и утварь— новыя; не сохранилось ни старыхъ книгъ, ни письменныхъ документовъ; даже и бывшія надгробныя плиты употреблены частію на постройку новой церкви, частію вросли въ землю, такъ что отъ монастырскаго кладбища не осталось никакихъ слѣдовъ [3]).

Съ личностью епископа Тихона, основателя Воскресенскаго Карашскаго монастыря, связана исторія вдоваго священника Ростовской Всѣхсвятской церкви Георгія Скрипицы. Въ 1503 г. въ Москвѣ былъ соборъ, воспретившій служеніе вдовымъ священникамъ. Между рукописями Московской Духовной Академіи есть посланіе этого попа Георгія Скрипицы, въ которомъ онъ сильно жалуется на жестокость и несправедливость соборнаго опредѣленія [4]). Попъ Георгій обратился къ собору помимо епископа Тихона. По поводу этой исторіи существуетъ рукописная

[1]) Т. X, стр. 971.

[2]) Т. XXVI, стр. 486.

[3]) Болѣе подробное описаніе Воскресенскаго Карашскаго монастыря мною было напечатано въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1887 года. „Патріаршее село Святославль и упраздненный Воскресенскій Карашскій монастырь въ Ростовскомъ уѣздѣ“.

[4]) Написаніе вдоваго попа Георгія Скрипицы изъ Ростова града о вдовствующихъ попѣхъ. Чтенія 1847 г., кн. 6.

легенда въ нѣсколькихъ варіантахъ. Двѣ изъ нихъ были напечатаны: одна въ Современныхъ Извѣстіяхъ за 1880 г., а другая въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1883 г. Одну изъ нихъ, находящуюся въ нашемъ собраніи, мы приводимъ. По этой легендѣ оказывается, что попъ Георгій Скриница [1]) былъ князь Георгій Петровичъ Шубинъ, прямой потомокъ Ростовскаго святого Петра Ордынскаго, а архіепископъ Тихонъ—Ростовскій князь Иванъ Васильевичъ Ушатый Голеня.

На сѣверо-западѣ отъ Ростовскаго кремля, на площади, одиноко стоитъ каменная церковь во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ XV вѣкѣ тутъ стояла деревянная церковь во имя Великомученицы Варвары, построенная княгиней Варварой, дочерью царевича Лазаря Петровича, внучкою св. Петра Царевича Ордынскаго (основателя Ростовскаго Петровскаго монастыря). Эта церковь 21 іюня 6916 (1408) года, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, вслѣдствіе неосторожности причетника, забывшаго погасить свѣчу, сгорѣла и послужила причиною огромнаго Ростовскаго пожара, о которомъ одна рукопись говоритъ слѣдующее: „Нашего ради согрѣшенія бысть пожаръ во градѣ Ростовѣ: мало не весь градъ погорѣ, до тысячи человѣкъ сгорѣ отъ огня, а иніи во озерѣ истопоша“...

Въ память этого пожара и поставили вновь на прежнемъ мѣстѣ деревянную церковь во имя Всѣхъ Святыхъ съ придѣломъ во имя Св. Великомученицы Варвары, мѣстная изъ прежней церкви икона которой и была найдена ничѣмъ невредимою въ пеплѣ погорѣвшей церкви. Въ концѣ XV в. въ этой церкви былъ священникомъ Георгій Скрипица.

Ростовскій великокняжескій намѣстникъ, князь Иванъ Васильевичъ Ушатый-Большой, былъ врагомъ Ростовскаго князя Василія Юрьевича Шемяки-Косого и имѣлъ себѣ искренняго друга въ лицѣ князя Георгія Петровича Шубина, одного изъ потомковъ св. Петра Царевича Ордынскаго [2]). Однажды князья

---

[1]) Въ рукописяхъ вездѣ пишется Георгій Скриница.

[2]) Князь Георгій Петровичъ Шубинъ, или впослѣдствіи попъ Георгій Скриница, былъ потомокъ св. Петра Царевича въ слѣдующемъ порядкѣ: у св. Петра былъ сынъ Лазарь, отъ котораго родился сынъ Юрій и дочь Варвара; у Юрія же былъ сынъ Игнатій, имѣвшій въ свою очередь трехъ сыновей: Петра, Павла и

Георгій Шубинъ и Иванъ Ушатый охотились въ огромныхъ лѣсахъ, расположенныхъ по берегамъ р. Сахты[1]); крайне утомясь и чувствуя голодъ, они желали гдѣ бы то ни было отдохнуть и подкрѣпить себя пищею; долго они искали пріюта, но не находили; наконецъ судьба сжалилась надъ ними и привела ихъ къ терему, одиноко стоявшему на крутомъ берегу Сахты и окруженному прекрасной мѣстностію и густымъ лѣсомъ. Они направили къ нему свой путь, а вышедшіе изъ терема служители встрѣтили ихъ съ почтеніемъ. На вопросъ князей о томъ, кому принадлежитъ этотъ теремъ, старшій изъ слугъ почтительно отвѣчалъ имъ, что этотъ теремъ принадлежитъ княгинѣ Дарьѣ Борисовнѣ, супругѣ князя Василія Ивановича Темкина, живущей здѣсь со своей внучкой княжной Матреной, дочерью князя Юрія Даниловича Кобяка-Кременецкаго.

Когда князья вошли въ домъ, то застали старую княгиню сидящею облокотившись на столъ, а напротивъ нея за тѣмъ же столомъ сидѣла ея молодая внучка и читала вслухъ лежавшую передъ ней книгу.

При входѣ двухъ незнакомыхъ посѣтителей, княжна прекратила чтеніе и, оставивъ свое прежнее мѣсто, стала позади княгини бабушки. Князья же немедленно подошли къ княгинѣ и извинились въ томъ, что несвоевременнымъ своимъ приходомъ нарушили тишину ея терема.

Послѣ роскошнаго столованья, княгиня пожелала узнать о томъ, кто были ея посѣтители, и услыхавъ о ихъ дѣдѣ и отцѣ, она начала разсказывать Шубину, что она знала очень многихъ изъ потомковъ св. Царевича Петра, въ особенности же князей Шубу, Копыто, Безобраза и Колпака, съ которыми она была дружна, такъ какъ ея бабушка княгиня Матрена Сергѣевна Лобанова, жена князя Ивана Ивановича Меньшаго-Лобанова, выдала свою дочь княжну Дарью за князя Семена Ивановича

Лазаря; у князя Павла Игнатьевича было четыре сына: Иванъ-Шуба, Сергѣй-Колпакъ, Семенъ-Безобразъ и Андрей Копыто. У князя Ивана Петровича былъ сынъ Петръ, отъ котораго родился Георгій Петровичъ Шубинъ. (Рукопись Е. В. Трехлѣтова.)

[1]) Р. Сахта—Роетов. уѣзда Щениковской волости.

Колпака, чрезъ котораго она и знала, но теперь едва помнитъ князя Петра Семеновича Безобраза, князя Петра Ивановича Шубу, Данила Игнатьевича Колпака и Евфросинью Тимоѳеевну Копыто. Князю же Ивану Голенѣ-Ушатому разсказала, какъ она хорошо знала его отца князя Василья Ивановича, и что съ его дѣдомъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ она росла вмѣстѣ, при чемъ прибавила, что помнитъ и его прадѣда князя Ѳедора Ивановича Голену, потому что пращуръ его князь Иванъ Андреевичъ Голена былъ женатъ на ея прабабушкѣ княгинѣ Акулинѣ Дмитріевнѣ Бахтеяровой.

Словоохотливая княгиня не умолкая разсказывала имъ и о другихъ князьяхъ и княгиняхъ, происходившихъ отъ ихъ предковъ, о которыхъ часто читаетъ ей ея внука изъ книги, доставшейся по наслѣдству ея мужу; при этомъ княгиня указала на лежавшую передъ ней большую книгу.

Долго и внимательно слушали князья старую княгиню; но, несмотря на разговоръ, князей занимала красота, умъ и свободное обращеніе княжны Матрены, которая совершенно плѣнила ихъ.

Радушный пріемъ старой княгини и угодливость княжны расположили гостей остаться у нихъ до слѣдующаго утра. На слѣдующій день съ береговъ р. Сахты князья поѣхали на рѣку Сотьму въ теремъ князя Ивана Ушатаго; всю дорогу они вели непрерывную бесѣду о княжнѣ Матренѣ; хотя послѣ посѣщенія ими старой княгини прошло и немного времени, но князь Иванъ Ушатый началъ скучать и погрузился въ тяжкую думу. Чтобъ нѣсколько развлечь его, князь Георгій Шубинъ поѣхалъ съ нимъ въ свой теремъ, построенный близъ того мѣста, гдѣ жилъ любитель уединенія преподобный Авраамій до самаго времени переселенія на берегъ Ростовскаго озера. Но и тутъ скука и тяжелыя думы не переставали царить между князьями, и тогда они, замѣтивъ другъ въ другѣ перемѣну, разомъ сознались, что всему этому виною княжна Матрена; но такъ какъ ихъ двое, а она одна, то она и должна достаться кому-либо одному изъ нихъ, но кому, этотъ-то вопросъ и былъ причиною душевной ихъ тревоги, потому что каждый изъ нихъ желалъ уступить ее своему другу.

Во имя своей братской любви, для рѣшенія своего спорнаго вопроса, князья рѣшили обратиться ко всѣми уважаемому пустыннику Григорію, жившему въ убогой хижинѣ на берегу р. Шулы, близъ ручья Каменца.

Пріѣздъ ихъ для пустынника Григорія не былъ новостію. Въ это время онъ воздѣлывалъ около своей хижины небольшой клочекъ земли и пѣлъ псалмы Давида. Князья тотчасъ же объяснили ему причину своего прихода. Тогда старецъ отвѣчалъ имъ: „Дѣти мои! дивна судьба ваша на землѣ; мнѣ свѣдомъ былъ пріѣздъ вашъ ко мнѣ; вы сдѣлали это весьма благоразумно, не нарушивъ братской любви вашей. Каждый изъ васъ достоинъ быть супругомъ княжны Матрены, равно и она достойна, но у ней въ одной рукѣ для васъ брачный вѣнецъ, а въ другой архіерейская шапка; каждому изъ васъ должно принять изъ рукъ ея то или другое: вы оба достойны и того и другого, рѣшить же это можетъ только одинъ жребій: одному изъ васъ должно быть супругомъ ея, а другому инокомъ, и изъ убогой моей хижины одному путь на берега р. Сахты, а другому въ обитель; кромѣ этого вамъ нѣтъ иного исхода.

Князья дивились всему слышанному отъ старца, конецъ же его рѣчи привелъ ихъ въ совершенное недоумѣніе; они открыли ему свои мысли и просили устроить имъ два жребія. Согласно ихъ желанію, старецъ устроилъ два жребія, на одномъ изъ которыхъ былъ виденъ вѣнецъ, а на другомъ архіерейская шапка; положилъ ихъ въ свой куколь и, вмѣстѣ съ князьями усердно помолясь Богу, велѣлъ имъ вынуть жребій. Григорій Шубинъ вынулъ жребій съ вѣнцомъ, а Иванъ Голенинъ архіерейскую шапку. Тогда князья бросились другъ къ другу въ объятія и долго плакали о своей почти вѣчной разлукѣ и клялись въ неизмѣнной братской любви.

Когда чувства князей поуспокоились, они, по совѣту старца Григорія, разстались, какъ примѣрные друзья. Кн. Иванъ Голенинъ тутъ же раздѣлилъ свой удѣлъ и изъ хижины старца отправился въ назначенную ему имъ обитель, которая для князя Григорія Шубина осталась неизвѣстна.

Не скоро князь Григорій Шубинъ забылъ разлуку съ княземъ Иваномъ Голеной Ушатымъ. Неясные слухи доходили до него, что его другъ подвизается въ иночествѣ въ небогатой и мало извѣстной обители, находящейся при сліяніи рѣкъ Ухтомы и Копырки [1]). Онъ не замедлилъ сходить туда провѣдать о немъ, но, посѣтивъ и всѣ ростовскія обители, не нашелъ нигдѣ и слѣдовъ его. Это обстоятельство повергло его въ болѣзнь, отъ которой онъ не скоро оправился; а по выздоровленіи не скоро рѣшился ѣхать на берега Сахты, въ теремъ старой княгини.

Старая княгиня радушно приняла кн. Георгія и шутя выговаривала ему, что они забыли ее старуху. Не долго князь могъ скрывать свою любовь къ княжнѣ Матренѣ, что не укрылось также и отъ старой княгини; взаимная склонность молодыхъ людей имѣла благопріятный исходъ, и чрезъ нѣсколько времени кн. Георгій получилъ себѣ въ супруги княжну Матрену. Родственныя связи старой княгини въ Москвѣ дали возможность помѣстить князя Георгія при дворѣ великокняжескомъ на весьма видномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего молодая чета и переѣхала на жительство изъ Ростова въ Москву. Супруга же Георгія Шубина княгиня Матрена была одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ. Но счастіе бываетъ не прочно, такъ случилось и съ княземъ Георгіемъ: рожденіе его второго сына Юрія было причиною смерти матери. Случай этотъ едва не свелъ въ могилу и самого князя Георгія; его посѣтила на столько тяжелая болѣзнь, что онъ едва выздоровѣлъ, послѣ чего оставилъ службу при дворѣ и съ своимъ семействомъ переѣхалъ обратно въ Ростовъ къ княгинѣ-бабушкѣ Дарьѣ Борисовнѣ.

Однажды кн. Георгій, подъ вліяніемъ тяжкой скорби о потерѣ своей супруги, вознамѣрился посѣтить старца Григорія. Удрученный старостію пустынникъ Григорій, незадолго до пріѣзда къ нему князя Георгія, впалъ въ недугъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Въ это-то самое время князь Георгій и пришелъ къ нему. Старецъ былъ весьма радъ его приходу и встрѣ-

---

[1]) Теперь погостъ Копыри, Нажеровской волости, по преданію, тутъ былъ монастырь, основанный Св. Іаковомъ, Еп. Ростовскимъ около 1370 г. (Его житіе изд. Яковл. Мон.).

тилъ князя словами утѣшенія; о себѣ самомъ сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода, потому что жизнь его угасаетъ и часы его сочтены, и завѣщалъ ему послѣ смерти положить его тѣло въ обители Св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба подъ растущимъ тамъ кедромъ. Затѣмъ старецъ сталъ говорить о томъ, чтобы до Воздвиженьева дня князь позаботился о своихъ дѣтяхъ, какъ бы готовясь съ ними на долгую разлуку, а въ день Воздвиженія измѣнилъ княжескую одежду на одежду странника, имя Шубина на Скриницу и съ котомкой и посохомъ въ рукахъ, рано утромъ, какъ бы изъ дальняго пути, шелъ на Срѣтенскій перевозъ, а оттуда Срѣтенскими воротами вошелъ въ городъ [1]). Тамъ, продолжалъ старецъ, „что бы съ тобой ни случилось, повинуйся и возлагаемое на тебя пріими безпрекословно: то прямой путь твой, то опредѣлено тебѣ свыше; въ новомъ твоемъ званіи ты встрѣтишься лицемъ къ лицу съ другомъ и товарищемъ твоимъ кн. Иваномъ Голенинымъ Ушатымъ“. Послѣ этого старецъ вскорѣ и скончался на рукахъ князя. Опечаленный такой утратой, а равно и полной неизвѣстностью о будущей своей судьбѣ, князь долго плакалъ надъ тѣломъ умершаго старца, при обряженіи тѣла котораго на груди, въ золотыхъ складняхъ и было найдено его завѣщаніе, изъ котораго узнали, что старецъ былъ ни кто иной, какъ кн. Андрей Ѳедоровичъ Голенинъ, котораго всѣ считали героемъ, павшимъ въ Мамаево побоище. Согласно завѣщанію, тѣло его съ великою честью было перенесено въ Борисоглѣбскій монастырь и при огромномъ стеченіи народа предано землѣ подъ растущимъ тамъ высокимъ кедромъ.

Въ Воздвиженьевъ день, рано утромъ, кн. Георгій въ одеждѣ странника, съ котомкою за плечами и посохомъ въ рукахъ, по словамъ старца, вошелъ въ городъ Срѣтенскими воротами и былъ окруженъ многочисленнымъ народомъ, испускавшимъ радостные клики; всѣ указывали на него руками и радостно говорили другъ другу: „Вотъ идетъ нашъ пастырь и все на немъ по слову святыя!“ Удивленный такой встрѣчей и не понимая

[1]) Ростовскіе князья Ѳедоръ и Константинъ „городъ Ростовъ подѣлили себѣ на двое. Срѣтенская сторона города князь Ѳедору“ (родъ Ростов. князей).

всего, вокругъ него происходящаго, кн. Георгій обратился къ одному почтенному старцу и спросилъ его, что съ нимъ хотятъ дѣлать.—Тотъ низко поклонился ему и отвѣтилъ: „Здѣсь мы всѣ люди одного прихода, церкви Св. Великомученицы Варвары, что въ Криуляхъ, и недавно лишились незабвеннаго всему народу нашего пастыря и духовнаго отца Лукіана; не находя себѣ пастыря по сердцу, мы стали просить великомученицу Варвару, чтобы она сама избрала намъ пастыря. Молитва наша была услышана, и въ минувшую ночь мнѣ недостойному и еще тремъ благочестивымъ прихожанамъ одновременно и однообразно явилась во снѣ самая святая съ подобной себѣ спутницей, сіяя неизреченнымъ свѣтомъ; спутница св. Варвары назвала себя княгиней Варварой, тѣло которой почиваетъ въ нашей церкви; хотя построенная ею церковь и сгорѣла, но названіе новой осталось тоже. Она сказала намъ, что, по нашему прошенію, св. великомученица избрала намъ въ пастыри моего сродника; сказала намъ его имя и одежду и послала встрѣтить странника, входящаго въ Срѣтенскія ворота; сонъ нашъ теперь воочію совершился; остается только узнать твое святое имя, и тогда мы всѣ увѣруемъ выбору святыя“.

Удивленный такимъ разсказомъ, князь вспомнилъ слова умиравшаго старца Григорія и отвѣчалъ спрашивавшему, что имя ему Георгій Скриница. При этомъ имени въ народной толпѣ поднялся радостный кликъ, и князя Георгія Шубина торжественно повели отъ Срѣтенскихъ воротъ ко владыкѣ Іоасафу, который въ мірѣ именовался кн. Иванъ Ивановичъ Оболенскій Смоля, потомокъ св. мученика Смоленскаго князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Разсказавъ владыкѣ причину своего прихода, они просили его приведеннаго странника поставить имъ пастыремъ и духовнымъ отцомъ. Архіепископъ Іоасафъ, выслушавъ о чудномъ избраніи странника, обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, а самъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ кн. Шубинымъ, который и разсказалъ ему всю исторію своей жизни.

Въ непродолжительномъ времени кн. Георгій былъ поставленъ во священника подъ именемъ Георгія Скриницы. Въ ночь,

предшествовавшую его посвященію, онъ видѣлъ во снѣ пришедшую къ нему величественнаго вида и въ княжеской одеждѣ жену, называвшую себя Варварою, внукою св. Петра царевича и ему сродною, которая и просила его помянуть ее въ своихъ молитвахъ надъ ея гробомъ.

По смерти владыки Іоасафа, на Ростовскую епархію поступилъ епископъ Тихонъ Малышкинъ, который еще не былъ въ своей епархіи, а находился въ то время въ Москвѣ на соборѣ святителей, на которомъ между прочимъ было запрещено священнодѣйствіе вдовымъ попамъ. Противъ этого-то соборнаго постановленія и возсталъ только одинъ человѣкъ, да и то не изъ числа бывшихъ на соборѣ святителей, а простой ростовскій попъ Георгій Скриница: онъ отправилъ на соборъ посланіе, въ которомъ жаловался на жестокость и несправедливость соборнаго опредѣленія, противнаго какъ канонамъ св. Апостолъ, такъ и вселенскихъ соборовъ, и настаивалъ на отмѣнѣ этого опредѣленія, чего наконецъ и достигъ.

Разгнѣвались владыки собора и вознегодовали на голосъ „Мизинскаго“ пастыря, а въ особенности озлобился на это Ростовскій архіепископъ Тихонъ, потому что ему стало невыносимо слушать отъ другихъ іерарховъ, что въ его епархіи существуетъ такой дерзкій попъ. Тотчасъ же изъ московскаго владычняго двора, что въ Дорогомиловѣ, въ Ростовъ прислана была бумага о томъ, чтобы немедля выслать попа Скриницу въ Москву ко владыкѣ. Георгій отправился и во время ночлега въ обители преп. Сергія онъ видѣлъ во снѣ самого преподобнаго, сопутствуемаго пустынникомъ Григоріемъ; этотъ послѣдній сказалъ ему: „Я предсказалъ тебѣ, что ты встрѣтишься лицомъ къ лицу съ другомъ твоимъ кн. Иваномъ Голенинымъ-Ушатымъ; архіепископъ Тихонъ есть князь Иванъ Голенинъ; дерзай, не бойся и иди“.

Какъ преступникъ, введенъ былъ къ разгнѣванному владыкѣ попъ Георгій Скриница; весь гнѣвъ его разразился и обрушился на голову попа Георгія; но зато какъ представить внутреннюю радость послѣдняго, когда, по голосу и нѣкоторымъ чертамъ лица, въ грозномъ владыкѣ онъ узналъ своего

друга Ивана Голену-Ушатаго. Въ продолженіе нѣкотораго времени владыка громилъ виновнаго попа Скриницу, а этотъ съ поникшей головой стоялъ предъ нимъ и слушалъ слова разгнѣваннаго іерарха; наконецъ упалъ передъ нимъ на колѣна и сталъ молить о прощеніи; но видя его непреклоннымъ и еще болѣе гнѣвающимся и опасаясь какихъ-либо съ его стороны послѣдствій, непристойныхъ сану епископскому, онъ твердо сказалъ: „Князь Иванъ, пощади Георгія Шубина и вспомни клятвы наши, данныя другъ другу въ хижинѣ старца Григорія".

Какъ громомъ былъ пораженъ епископъ Тихонъ; онъ тутъ только узналъ своего друга, да и то только по голосу, но не по чертамъ лица, и, пришедши въ себя, могъ только выговорить: „Георгій, тебя ли я вижу", и упалъ безъ чувствъ на руки попа Скриницы. Такъ произошло свиданіе прежнихъ князей, а теперь архіерея съ попомъ.

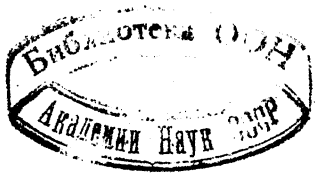
Вслѣдъ за этимъ событіемъ архіепископъ Тихонъ оставилъ свою паству и поселился въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что на Устьѣ. Послѣ этого въ продолженіе 10-ти лѣтъ не было въ Ростовѣ архіепископа, и во все это время Тихонъ принуждалъ попа Скриницу быть архіепископомъ Ростовскимъ, на что были согласны и остальные іерархи, но попъ Скриница остался непреклоненъ и только во все это время, не переставая быть священникомъ, считался блюстителемъ владычняго престола; но на всѣ убѣжденія принять святительскій санъ, онъ отвѣчалъ: „Святителей много, а попъ Скриница одинъ".

Въ Ростовской церкви Вознесенія въ придѣлѣ св. Исидора Блаженнаго находится икона XVII вѣка Ростовскихъ чудотворцевъ съ изображеніемъ кромѣ канонизованныхъ святыхъ: епископовъ Леонтія, Исаія, Игнатія, Іакова, Іоанна Милостиваго, Исидора юродиваго, преподоб. Авраамія, Петра Царевича, Иринарха, еще не канонизованныхъ юродивыхъ: Аѳанасія, Пимена, Ѳеодора и Павла, кн. Василько, Стефана Новоявленнаго, Ивана Большого Колпака, епископовъ: Ѳеодора, Прохора, Кирилла и Тихона; послѣдній, очевидно, послѣ появленія мощей святителя Димитрія въ 1759 г. хотя и былъ переписанъ въ Димитрія, но слѣды переписки замѣтны. Кромѣ того на иконѣ, принадле-

жащей Ростовскому купцу П. В. Хлѣбникову въ числѣ Ростовскихъ святыхъ, былъ изображенъ также Св. Тихонъ и эта икона имѣла подпись: Сей образъ писалъ Воскресенскій Карашскій игуменъ Савватій ростовецъ 1739 года.

Въ заключеніе остается сказать, что подобныхъ изображеній неканонизованныхъ святыхъ, а также иконъ и крестовъ съ частицами мощей такихъ святыхъ встрѣчается не мало. Такъ въ вкладной книгѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря XVII вѣка [1]) подъ 3 числомъ сентября 1641 года записанъ вкладъ, сдѣланный дьякомъ Василіемъ Ягодинымъ, пожертвовавшимъ въ монастырь образъ Знаменія Пр. Богородицы. Въ кіотѣ этого образа находится крестъ со многими священными реликвіями и мощами; въ числѣ послѣднихъ упоминаются и несуществующія теперь мощи св. Исидора Ростовскаго Твердислова, память котораго церковь чтила уже въ XVI вѣкѣ, и житіе котораго внесено въ Макарьевскія Четіи Минеи. Впрочемъ, можетъ быть и то, что мощи св. Исидора, находящіяся подъ спудомъ, покоились открыто до польскаго нашествія въ 1609 г., когда былъ разгромленъ Успенскій соборъ и пожженъ почти весь Ростовъ, со многими церквами и монастырями, которые были почти всѣ деревянные [2]).

Ан. Титовъ.


Библиотека ОДН Академии Наук СССР

[1]) Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1898 г.

[2]) Дневникъ поляка Немоевскаго: Въ 1607 г. въ Ростовѣ было 400 домовъ и 62 деревянныхъ церкви.